

Глава первая

Она проваливалась в бесконечную черную муть. Звенело в ушах, тело не чувствовало никакой опоры. Она не могла понять, лежит она, или сидит, или вообще висит в воздухе, и это тошнотворное ощущение невесомости показалось знакомым. Так бывало в детстве, когда перекачаешься на качелях и, спрыгнув, не чувствуешь под собой твердой земли, пытаешься заново собрать вокруг себя пространство, а оно разваливается на куски...

С трудом разлепились отяжелевшие веки. По глазам резанул холодный люминесцентный свет. Она пыталась сообразить, где находится, но не могла. Наконец сквозь звон в ушах различила голоса.

Разговаривали две молодые женщины:

— Слушай, если ее надо к искусственным готовить, зачем столько промедола вкололи? Она так до утра проспит.

— Подождем еще немного и будем будить.

— А показания-то какие у нее?

— Откуда я знаю? То ли мертвяк, то ли урод. Тебе-то что?

— Ну, так... Интересно. Жалко ее. Оксан, а можно я плод послушаю?

— Да брось, нечего там слушать.

— Мне практика нужна.

— Ну, валяй, послушай, если охота.

Когда подошли к койке, женщина лежала с закрытыми глазами и не шевелилась. Она почувствовала, как откинули одеяло. Несколько секунд было тихо, ей стетоскопом прослушивали живот.

— Оксан, а ребеночек-то живой! Сердцебиение нормальное, сто двадцать. Сама послушай!

— Делать мне нечего! Мало ли — живой. Они на таком сроке часто живыми рождаются, даже пищат, ручками-ножками дрыгают. Потом-то все равно умирают.

— Может, и не надо искусственные делать? Женщине тридцать пять как-никак.

— Вот именно, тридцать пять. Старая первородящая это называется. У таких и получаются уроды.

Ее легонько похлопали по щекам.

— Женщина, просыпайтесь!

Она не шевельнулась.

— Оксан, пошли пока чайку попьем, пусть поспит.

Ее укрыли одеялом, задвинули ширму и отошли.

— Ты, Валя, не лезь куда не надо. Ты свою практику отбомбишь и гуд бай. А мне отсюда деться некуда. Сколько здесь, сестрам нигде не платят.

* * *

Она полностью пришла в себя. Она, Лена Полянская, так испугалась, что дурноту как рукой сняло. Когда шаги сестер стихли, она быстро соскочила с койки и выбежала за ширму.

Это была не палата, а что-то вроде кабинета: стеклянный шкаф с инструментами и лекарствами, банкетка, обтянутая клеенкой, письменный стол. На столе стояла ее сумочка, на спинке стула висел зеленый хирургический балахон. Схватив сумочку и балахон, Лена выглянула в коридор. Там было пусто. Прямо напротив она увидела приоткрытую дверь, на которой был нарисован бегущий по ступенькам человечек: запасной выход. Лена быстро побежала вниз по лестнице.

Было темно и тихо. Босые ноги не чувствовали холода, а сердце колотилось так, что казалось — сейчас разорвется. На бегу она окончательно пришла в себя.

Пробежав несколько этажей, Лена остановилась перевести дух. «Куда и зачем я бегу? — подумала она. — Сейчас я выскочу на улицу в таком виде — и что дальше?»

Уже спокойно пройдя несколько ступенек, она посмотрела вниз и увидела поблескивающую в темноте цинковую дверь. За дверью был подвал.

* * *

Когда медсестра Оксана Сташук и студентка-практикантка Валя Щербакова вернулись, койка была пуста.

— Ну вот и хорошо, — сказала Оксана, — больная сама проснулась. В туалет, наверное, пошла. Сейчас вернется, начнем готовить.

— Оксан, давай все-таки погодим капельницу ставить. Пусть врач еще разок посмотрит.

— Валя, прекрати! Надоело! Тебе заново все объяснять, да? — Оксана посмотрела на часы. — Она у меня должна уже пятнадцать минут под капельницей с окситоцином лежать.

В кабинет вошел высокий мужчина в белом халате и марлевой маске.

— Ну, девочки-голубушки, как наша роженица? — бодро спросил он.

— Вы меня, конечно, извините, Борис Вадимович, — густо покраснев, начала Валя, — но я тут плод прослушала, у него сердцебиение нормальное, и двигается он. Вы бы сами посмотрели, а потом уж стимуляцию назначали.

Ординатор Боря Симаков смерил маленькую, кругленькую практиканточку таким взглядом, что другая на ее месте провалилась бы сквозь землю. Но Валя продолжала:

— Я, конечно, понимаю, вам за это ничего не будет, но нельзя же...

Тут Борис Вадимович не выдержал:

— Ты, сопля зеленая, куда лезешь? Ты сюда зачем пришла? Работать нас учить?! Я тебе устрою практику! Оксана! — резко развернулся он к медсестре. — Ты капельницу поставила или нет?

— Нет, Борис Вадимович, больная спала. Как я буду ее, спящую, обрабатывать?

— А что, разбудить нельзя было?

— Будили. Она же под промедолом, — оправдывалась Оксана, подойдя к Симакову поближе и коснувшись его упругой грудью. — Вы только не волнуйтесь. Она уже сама проснулась. Сейчас начнем.

— Ладно, девицы. Не тяните только, — смягчился врач, — а ты, колобок, — он снисходительно потрепал Валю по круглой розовой щеке, — лучше песенки не пой, а то лиса съест.

Валя почувствовала, как глаза наполняются слезами. Она вообще часто плакала, а тут такое... Этот балагур Симаков угробит живого ребеночка — глазом не моргнет. А у женщины детей нет и больше уже не будет наверняка. Последний ее шанс...

Случайно взглянув на стол, Валя заметила, что исчезла сумочка, красивая кожаная сумочка Полянской Елены Николаевны. Одежду отнесли в камеру хранения сразу, а сумочку с паспортом не успели — пока переписывали паспортные данные, заполняли больничную карту, кладовщица ушла домой. Со спинки стула исчез зеленый хирургический халат.

Валя шмыгнула носом, слезы высохли. «Вот и умница вы, Елена Николаевна, — подумала она, — вот и правильно. Только как вы босиком, в больничной рубашке да в балахоне до дома доберетесь?»

Валя вспомнила, как всего полтора часа назад они вдвоем с Оксаной раздевали спящую, бесчувственную женщину, расшнуровывали высокие ботинки, стягивали свитер через голову. Красивая, холеная, она была в их руках как кукла.

«На ее месте я бы отсюда и голышом ушла», — подумала Валя, а вслух сказала:

— Вы уж простите меня, Борис Вадимович. Характер такой дурацкий — вечно лезу не в свое дело. Сейчас же начнем готовить больную.

* * *

Лене хотелось спать. Она то и дело проваливалась в тяжелое забытие, но только на несколько мгновений: боялась заснуть и упасть на склизкий пол.

В подвале было темно, только полоса лунного света пробивалась сквозь пыльное приоткрытое окно высоко, под самым потолком.

Как ни противно было ступить босыми ногами на грязный пол, Лена решила обойти подвал. Глаза уже привыкли к темноте, но все равно идти приходилось ощупью. Она осторожно двинулась вдоль стены, больше всего на свете боясь наступить на крысу.

В подвале были свалены поломанная мебель, тюки с тряпьем, фанерные ящики и прочий хлам. Несколько ящиков валялось прямо под окном, единственным окном со сбитой металлической решеткой — остальные были намертво зарешечены.

Ящики оказались достаточно прочными. Лена поставила один на другой и попробовала влезть. Получилось низковато, приоткрытое окно было на уровне груди. Понадобился еще ящик.

Наконец удалось соорудить нечто вроде лестницы. На рассвете она выберется на улицу и пойдет в ближайшее отделение милиции. И что скажет? Ладно, это потом...

Из ящиков торчали гвозди, Лена до крови исцарапала себе руки и ноги. Распотрошив тюк с тряпьем, она вытянула несколько изодранных простыней, разобрала всю конструкцию, обмотала простынями каждый ящик и составила их в том же порядке. Потом подтащила разворошенный тюк, уселась на нижний ящик, а ноги положила в мягкие сухие тряпки. Все, теперь можно было расслабиться и спокойно дожидаться рассвета.

Спать уже не хотелось. Устроившись поудобнее, Лена попыталась вспомнить, что же с ней произошло.

В кабинете ультразвука ей намазали живот какой-то желеобразной гадостью. Пожилой врач качал головой, глядя на мерцающий экран. Было шесть часов вечера...

После того как ей сказали, что ребенок мертвый, захотелось скорее уйти. Лена вытерла живот полотенцем, зашнуровала сапоги. Она не поверила этому милому доктору и была

совершенно спокойна. Но он почему-то схватил ее за руку и стал щупать пульс.

— Подождите, подождите, деточка! Куда же вы сейчас пойдете в таком состоянии? Я просто не имею права вас отпускать, миленькая вы моя. Сейчас вот укольчик сделаем, вы посидите немного, успокойтесь. Я вам пока направление выпишу, завтра утречком в больницу, а сейчас уж посидите, отдохните, а потом ступайте себе домой. Я ведь понимаю, вам непросто такое пережить, но все будет хорошо, время лечит...

Врач тараторил ласково, при этом крепко держал Лену за руку и заглядывал ей в глаза. Тогда даже показалось, будто он действительно сочувствует, переживает за нее. Фамилию его Лена вспомнить не могла, а вот лицо, такое доброе, интеллигентное, с аккуратненькой седой бородкой, как у Айболита, стояло у нее перед глазами.

Дальше был полный провал — дыра в памяти. А потом — тяжкое пробуждение на больничной койке.

И тут Лена похолодела: а что, если этот Айболит успел ей вколоть вместе со снотворным что-то, стимулирующее роды? Если сейчас, в этом грязном подвале, она родит крошечного ребеночка, который погибнет у нее на руках?

«Так. Спокойно! — скомандовала себе Лена. — Надо вспомнить, как начинаются роды. Господи! Откуда мне помнить? Только по чужим рассказам... Схватки. Сначала редкие, потом чаще и больней».

Лена закрыла глаза и прислушалась к себе. Нет, ничего не болело, только сердце колотилось и колени дрожали. И вдруг, неожиданно для себя, она впервые заговорила с ребенком: «Все в порядке, малыш. Мы с тобой молодцы». И прямо под рукой она почувствовала легкое, упругое движение. Так таинственно и нежно отозвалось в ней это движение, что она на несколько секунд забыла, где находится, только слушала себя, свой еще небольшой, но уже одушевленный живот.

— Нет, — сказала она вслух, — ничего не вкололи. Ты у меня здоровый, крепкий малыш. Только промедол, но это мы

переживем. Ты родишься в срок, и никто нас с тобой больше не тронет!

И опять, но уверенней и сильнее, чем в первый раз, ребенок шевельнулся.

* * *

Амалии Петровне Зотовой, заведующей гинекологическим отделением Лесногорской городской больницы, было шестьдесят лет. Высокая, полноватая той приятной полнотой, которая только красит женщину после пятидесяти — морщин меньше, и фигура имеет солидный, царственный вид, — Амалия Петровна ухаживала за собой тщательно и с любовью.

Каждое утро она начинала с жесткой получасовой гимнастики, принимала контрастный душ. Раз или два в неделю посещала очень дорогой и престижный салон красоты. Ее идеально подстриженные и уложенные седые волосы были слегка подцвечены специальной французской краской, которая придавала им голубоватое сверкание. Еще три года назад Амалия Петровна пользовалась для этих целей обыкновенными синими чернилами, разведенными в четырех литрах воды. Три года назад она не могла себе позволить даже такую мелочь, как целые, нештопаные колготки...

А сегодня в ушах и на пальцах Амалии Петровны сверкивали крупные бриллианты самой высокой чистоты, а в «ракушке» под окнами трехкомнатной квартиры стояла новенькая серебристая «Тойота».

Всю последнюю неделю Амалии Петровне не везло. Не было сырья, а его требовали срочно, причем не для очередной серии препарата на продажу, а для какого-то конкретного, очень важного человека. Речь шла не о деньгах, а о «крыше», о крупном чиновнике то ли из Минздрава, то ли из МВД.

Когда неделю назад Амалии Петровне позвонили, она ответила коротко: «Надо — значит будет». Однако, просмотрев свой резервный список, обнаружила, что раньше чем через

месяц никакого нового поступления сырья не предвидится. Она стала обзванивать своих поставщиков. Их было немного, всего четверо — трое в Москве и один в Клину. Но и у них пока было пусто.

На третий день Амалию Петровну пригласили для разговора в ресторан «Христофор Колумб» на Тверской, и разговор состоялся весьма серьезный.

Впрочем, возникшую проблему нельзя было назвать неожиданной. Три года дело набирало обороты, росло число заказчиков. Еще два месяца назад Амалия Петровна предупредила:

— Мы работаем без сырьевых запасов. Уходит все — до миллиграмма. Холодильник пуст.

— Ну что же делать? — ответили ей тогда. — Ищите новые варианты, разрабатывайте новые источники. Это ваша прямая обязанность. Нельзя же выстраивать наших заказчиков в очередь.

Легко сказать: «новые источники»!

В тот же вечер она еще раз обзвонила поставщиков и назначила каждому из них встречу в разных местах Москвы на разное время, с интервалами в два часа.

От Лесногорска до Москвы Амалия Петровна доехала на своей «Тойоте» за тридцать минут. С часу дня до десяти часов вечера она побывала в четырех валютных ресторанах в центре Москвы. Заказывала себе везде одно и то же: фруктовый салат с обезжиренными взбитыми сливками и апельсиновый сок. Примерно одинаковыми были и беседы, состоявшиеся в четырех ресторанах.

— Но я же не могу первую попавшуюся бабу убедить, что ее ребенок — урод, и отправить к вам! — так или примерно так отвечал, выслушав Амалию Петровну, каждый из четырех ее собеседников.

— Именно так ты и сделаешь. Только выбирай старых первородящих. Там всегда можно что-то потом придумать, — наставляла она.

— Это очень, очень рискованно. Почему такая срочность? Неужели нельзя немного подождать?

— Подождать нельзя, — тихим ледяным голосом отвечала Амалия Петровна, — но тебя это уже не касается. Можешь идти. До свидания.

Ни один из поставщиков не ушел.

В десять тридцать вечера у Амалии Петровны состоялась последняя встреча, уже не в ресторане. Сев в свою «Тойоту» у американского бара на площади Маяковского, она вырулила на Садовое кольцо, в сторону Патриарших прудов. Подъехав к скверу, остановила машину у края тротуара, почти упершись в бампер черного «БМВ». Выйдя из машины, она открыла дверцу «БМВ» и уселась на заднее сиденье.

— Завтра, с девяти до шести. Четыре возможных варианта.

Она медленно и четко произнесла три московских адреса и один клинский, затем вышла из «БМВ», села за руль своей «Тойоты» и поехала домой, в Лесногорск.

Весь следующий день она нервничала. На утреннем обходе придиралась к сестрам, рывкала на лечащих врачей, потом зачем-то вызвала к себе в кабинет старенькую санитарку тетьку Клаву, которая работала в больнице сорок лет, и наорала на нее так, что старушка заплакала и написала заявление об уходе.

В шесть часов вечера Зотова закрылась в своем кабинете, достала пачку сигарет и закурила. Вообще курила она крайне редко, здоровье свое берегла, но, когда волновалась, сигарета ее успокаивала.

В пять минут седьмого раздался телефонный звонок из Москвы.

— Амалия Петровна, здравствуйте! Вы уж извините за беспокойство, но мне пришлось к вам отправить больную на «Скорой». Очень неприятный случай: двадцать четвертая неделя, женщине тридцать пять лет...

Повесив трубку, Зотова облегченно вздохнула, погасила сигарету и вызвала к себе ординатора Борю Симаква.

Глава вторая

Лена Полянская была папиной дочкой. Ей было два года, когда мама, альпинистка, мастер спорта, сорвалась со скалы. Елизавета Генриховна не могла жить без своих восхождений, и когда ребенку исполнилось два, Николай Владимирович Полянский взял отпуск за свой счет и отпустил жену на Эльбрус. Потом он всю жизнь не мог себе этого простить.

Он растил дочь один, так и не привел в дом ни одной женщины. Любая женщина, даже самая лучшая, все равно была бы для его Леночки мачехой...

С первого класса школы до последнего курса журфака университета Лена Полянская была отличницей. Она не гналась за пятерками — ей просто нравилось учиться.

В старших классах сверстницы выщипывали брови «в ниточку», дрыгались под ритмичную музыку на вечеринках или, как тогда говорили, на «сейшенах», курили в школьном туалете и обсуждали свои отношения с мальчиками.

Лена на «сейшены» не ходила — ей было там неуютно и скучно, к тому же танцевать она не умела. Брови-«ниточки» и модная тогда стрижка «паж» с челкой до носа ей категорически не шли, к тому же папа очень просил бровей не выщипывать и косу, отросшую к семнадцати годам до пояса, не остригать. Отношения с мальчиками если и возникали, то обсуждать их в школьном туалете не хотелось. Вообще хотелось только учиться и читать запоем по-русски и по-английски.

Она читала все подряд, с какой-то суеверной жадностью, и к семнадцати годам вдруг обнаружила, что ничего, кроме как поглощать и усваивать информацию, не умеет: ни себя, ни других не понимает и даже не знает, в какой ей хочется поступить институт.

Николай Владимирович Полянский в тридцать девять лет стал доктором физико-математических наук, а Лена неожиданно для него и для себя поступила на факультет журналистики МГУ.

Николай Владимирович так и не женился, а Лена успела дважды побывать замужем. Первым ее мужем был сокурсник, маленький, худенький мальчик с нежными пепельными усиками. Он был ниже Лены на полголовы. Знакомясь с ним, обязательно говорили: «Вы так похожи на Лермонтова!», на что он хмуро и небрежно отвечал: «Да, я знаю».

Звали его Андрюша. Жил он отдельно от родителей, в крошечной комнатке в коммуналке на Сретенке. В этой комнате и состоялась пьяная свадьба с салатом «оливье», шпротами, окурками в тарелках и самозабвенными поцелуями в темном коммунальном коридоре, где на голову падали то крыто, то велосипед.

Николай Владимирович в это время был на конференции в Праге. Когда он вернулся, Лена с гордостью показала ему Андрюшу и свежий штамп в паспорте. Знакомясь с зятем, Николай Владимирович заметил:

— Вам, наверное, все говорят, будто вы похожи на Лермонтова. Вы не верьте. На самом деле ни капли не похожи...

В комнатке на Сретенке Лена не прожила и месяца. Она вернулась к папе, а с Андрюшей вежливо здоровалась, встречаясь на факультете. Через полгода они мирно развелись.

Второй брак был более серьезным и продолжительным.

Сразу после окончания университета Лену пригласили работать спецкором в один из самых популярных молодежных журналов того времени. Шел 1983 год. Один за другим умирали генсеки. Продолжалась афганская война. Кончались запасы сибирской нефти. А у Лены Полянской начался головокружительный роман.

Он был писатель, не очень известный, но вполне официальный. Его нравоучительные скучноватые повести довольно часто печатались на страницах популярного молодежного журнала, в котором работала Лена.